

Поэзия казачьего зарубежья

Оглавление

1. Ачаир Алексей Алексеевич
2. Бехтеев Сергей Сергеевич
3. Волкова Мария Вячеславовна
4. Воробьев Николай Николаевич
5. Евсеев Николай Николаевич
6. Келин Николай Андреевич
7. Поляков Павел Сергеевич.
8. Смоленский Владимир Алексеевич
9. Туроверов Николай Николаевич

АЧАИР АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (наст. имя Грызлов А.А.)

«В странах рассеянья»

Мы живали в суровой Неметчине,
Нам знаком и Алжир, и Сиам;
Мы ходили по дикой Туретчине
И по льдистым Небесным Горам.

Нам близки и Памир, и Америка,
И Багдад, и Лионский залив.
Наш казак у восточного берега
Упирался в Дежневский пролив.

Легче птиц и оленей проворнее,
Рассыпаясь по тысячам мест,
Доходил до границ Калифорнии
Одинокий казачий разъезд...

И теперь, когда чёрные веянья
Разметали в щепы корабли, —
Снова двинулись в страны рассеянья
Мы от милой чумазой земли...

На плантациях, фермах, на фабриках, —
Где ни встать, ни согнуться, ни лечь, —
В Аргентинах, Канадах и Африках
Раздаётся казачая речь...
...В академиях, в школах, на улицах, —
Вспоминая Кавказ и Сибирь, —

Каждый Русский трепещет и хмурится,
Развевая печальную быль...

Не сломала судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
И за то, что нас Родина выгнала, —
Мы по свету её разнесли

«Казачи империи»

Империя... Твои отцы и дети —
одно с тобой. Где их раздел — скажи!
На протяженьи пройденных столетий
ни камня нет, ни вала, ни межи.

Так мальчик-сын, ведя отца за руку,
честь отдает старейшему в роду.
Так дряхлый дед, в глазах скрывая муку,
становится с внучатами в ряду.

Во имя правды, красоты и славы
мы слиты в сталь — в прапрадедовский меч.
В дни детских игр и юности забавы
куется он, чтоб Родину беречь.

Казачья правда, мужество и вольность —
девиз России в рыцарском гербе.
Вся наша жизнь — одной тебе достойной,
и наша честь, Империя, — тебе.

Мы так росли и в школах, и в станицах.
Мы знаем: брат — солдат и офицер.
Еще пушок девический на лицах,
а уж в сердцах суворовский пример.

По коням! Враз — казачью ногу в стремя,
и за отцом, за дедом — мальчуган...
Теперь пришло иное, злое время —
все смел с земли кровавый ураган.

Мы ранены. Сжимая крепко знамя,
стареем мы. И все, что только есть
у нищих нас — прекрасные над нами —
достоинство и честь.

Мы устаем — нас угнетают беды.
Мы отстаем — в глазах уж меркнет свет.
Но мы стоим, как нас учили деды.
Мы устоим — таков отцов завет.

Во имя чести нашей офицерской
казачьей честью, сын мой, дорожи.
Наперекор всей этой злобе мерзкой,
наперекор предательству и лжи!

БЕХТЕЕВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

«Пошли нам, Господи, терпенье...»

Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжёлый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной,
В невыносимый, смертный час...

И, у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!

«Россия»

Была Державная Россия;
Была великая страна
С народом, мощным, как стихия,
Непобедимым, как волна.

Но под напором черни дикой,
Пред ложным призраком «свобод»
Не стало родины великой,
Распался скованный народ.

В клочки разорвана порфира,
Растоптан царственный венец,
И смотрят все державы мира
О, Русь, на жалкий твой конец!

Когда-то властная Царица,
Гроза и страх своих врагов -
Теперь ты жалкая блудница,
Раба, прислужница рабов!

В убогом рубище, нагая,
Моля о хлебе пред толпой,
Стоишь ты, наша Мать родная,
В углу с протянутой рукой.

И в дни народной деспотии
В бродяге, нищенке простой
Никто не узнает России
И не считается с тобой.

Да будут прокляты потомством
Сыны, дерзнувшие предать
С таким преступным вероломством
Свою беспомощную Мать!

«Русь»

Страна стихийного размаха,
Страна злодейства и добра,
Страна наследий Мономаха,
Страна Тушинского вора.

Страна возможностей великих,
Страна таинственных чудес,
Страна бесов и оргий диких,
Страна святынь, страна Небес.

«Боже, Царя храни»

Боже, Царя сохрани
В ссылке, в изгнании, вдали,
Боже, продли Его дни,
Боже, продли!

Дай Ему силы сносить
Холод и голод тюрьмы;
Дай Ему власть победить
Полчища тьмы!

Да не утратит Он Сам
Веру в мятежный народ;
Да воссияет Он нам
В мраке невзгод.

Боже, спаси, сохрани
Мать и невинных Детей!
Дай Им счастливые дни
В царстве цепей!

Пусть пред иконой Твоей
Тихой вечерней порой
В блеске лампадных огней
Вкусят страдальцы покой.

Белый, великий наш Царь,
Сирий народ не оставь;
Снова Россией, как встарь,
С славою правь.

Гнусность измены прости
Темной, преступной стране;
Буйную Русь возврати
К милой, родной старине...

Крестное знамя творя,
Молит истерзанный край:
«Боже, отдай нам Царя,
Боже, отдай!»

«Царевич Алексей»

В дни нашей скорби безнадежной,
В дни общей слабости людской
Твой Образ девственный и нежный
Влечет нас прелестью былой;

Влечет лучистыми глазами
С их неподдельной добротой;
Влечет небесными чертами,
Влечет нездешней красотой.

И забываются ошибки,
И скорбь, терзающая нас,
При виде царственной улыбки
Твоих невинных детских глаз.

И сердцу кажутся ничтожны
Все наши праздные мечты,
И страх, корыстный и тревожный,
И голос мелкой нищеты.

И в эти сладкие мгновенья
Пред обновленную душой
Встает, как светлое виденье,
Твой Образ чистый и святой.

«Царский крест»

Страдалец русского Престола,
Державный Вождь родной страны,
Тебя подстерегла крамола
На склоне мировой войны.

И «верноподданные» слуги,
Столь одаренные Тобой,
Врагам оказывать услуги
Спешили все наперебой.

И каждый лжец тебя злословил,
Виня в создании невзгод,
И скорбный Крест Тебе готовил
Твой обезумевший народ.

Но Ты, не веря грозной были,
Победой грезил впереди,
Пока Тебе не изменили
Твои преступные вожди.

Тогда с покорностью великой,
На горе любящих сердец,
Склонясь пред волей черни дикой,
Ты снял монарший Свой венец.

И молча, с кротостью смиренной,
Ты Крест на плечи возложил

И дивный подвиг дерзновенный
В глазах народов совершил.

Голгофа Царского страдания
была Тобою пройдена,
И злоба буйного восстанья
Твоим Крестом побеждена.

«Царские глаза»

Кто видел в жизни только раз
Сиянье кротких Царских глаз,
Тому их век не позабыть
И тех очей не разлюбить.

Кому их встретить довелось,
В том сердце верою зажглось,
Того в дни бедствий не смутят
Ни зло людей, ни смертный яд.

Всегда и всюду перед ним
Блестят величием своим
Глаза, которым равны нет
В греховном мире слез и бед.

«Царь»

В муках изведав народное горе,
Жалкой, разбитой душой
Ищем мы робко, с надеждой во взоре
Мира в юдоли земной.

Глядя в прошедшее наше сурово,
Каясь, как прадеды встарь,
Шепчем мы жадно заветное слово,
Слово желанное — «Царь!»

В нем все стремления и чаянье наше
Лучших, забытых времен,
Тех, что не будет и не было краше
В прошлом счастливых племен.

Царь — это Солнце блистательной славы;
Царь это гордость страны,
Грозная сила могучей державы,
Страшный врагам без войны.

Царь — это вера и правда святая;
Звон златоглавых церквей,
Русь богомольная, Русь вековая
Дедов.. отцов... сыновей.

Царь — это вдовьи отертые слезы,
Труд безмятежный в глуши;
Царь — это лучшие, светлые грезы
Любящей русской души!

«Небесная царица»

Перед Твоей Державною иконой
Стою я, трепетом молитвенным объят,
И Лик Твой царственный, увенчанный короной,
Влечет к Себе мой умиленный взгляд.

В годину смут и трусости бесславной,
Измены, лжи, неверия и зла
Ты нам явила Образ Твой Державный,
Ты к нам пришла и кротко прорекла:

«Сама взяла Я скипетр и державу,
Сама Я их вручу опять Царю,
Дам царству русскому величие и славу,
Всех окормлю, утешу, примирю!..»

Покайся ж Русь, злосчастная блудница,
Омой в слезах свой оскверненный стыд,
Твоя Заступница Небесная Царица
Тебя и грешную жалеет и хранит.

«Святому»

Молитвенник русской земли,
Хоть ты от нас ныне вдали,
Но молим мы слезно тебя:
Спаси нас, отцовски любя.

Скорбящих в изгнании людей
Надеждой и верой согрей,
Покой им душевный верни
В жестокие, лютые дни.

Горячею силой молитв
Спаси от чудовищных битв
И скрой от безбожных врагов
В кровавое время Голгоф.

«Верую!»

В години кровавые смут и невзгод,
Я верю в Россию!- я верю в народ!
Я верю в грядущее радостных дней
Величья и славы отчизны моей!

Я верю, что годы страданий пройдут,
Что люди свое окаянство поймут,
И буйную злобу и ненависть вновь
Заменит взаимная наша любовь.

Я верю, что в блеске воскресных лучей
Заблещут кресты златоглавых церквей
И звон колокольный, как Божьи уста,
Вновь будет сзывать нас в обитель Христа.

Я верю — из крови, из слез и огня
Мы встанем, бывшее безумье кляня,
И Русью Святой будет править, как встарь,
Помазанник Божий — исконный наш Царь.

«Моему Святому»

Подвижник дивный и святитель,
Крепчайшей веры глубина,
Твоя священная обитель
Бесовской силой сметена.

Потрясены ее твердыни
Безбожной, дьявольской рукой,
Осквернены ее святыни
Безумьем ярости людской.

Окончен подвиг дней служенья
Твоих духовных сыновей,
Замолкли жаркие моления,
Замолк и звон твоих церквей...

Но пусть ликует дух гордыни,
Пусть Русью правит зверский гнет -
Твой образ дивный и поныне
В народной памяти живет.

И день придет — исчезнут хамы
С лица отчизны дорогой,
И вновь из праха встанут храмы
Твоей обители святой.

И к ним заглохшими тропами,
Ища спасенье и приют,
Страдальцы с горем и скорбями
Рекой народной потекут.

«Угодник»

Старец Божий, старец кроткий,
В лаптях, с палкою простой,
На руке иссохшей четки,
Взор, горящий добротой.

Сколько дивного смиренья
В страстотерпческих чертах,
Дивный дар богомоленья
Лег улыбкой на устах.

Тяжким подвигом согбенный,
Он идет, гонец небес,
Прозорливый, вдохновенный,
Полный благодатных чудес.

Благодатной силой веет
На молящих от него,
Гордый разум цепенеет
Перед святостью его.

«Благочестивейший»

Благочестивейшаго, Самодержавнейшаго
Великаго Государя нашего...
Выход со Святыми Дарами

Он был сама любовь, добро и всепрощенье,
Державный Вождь мятущейся страны,
Хранил в себе Он кротость и смирение
И правду мудрую священной старины.

Ревнитель доблестный твердынь Самодержавья,
Бесстрашный Витязь армии родной,
Он был Блюстителем святыни Православья,
Судьей бесхитростным для чести мировой.

Любил народ Он царственной душою,
Как сыновей возлюбленных отец,
Ему бестрепетно Он жертвовал собою,
Неся безропотно страдальческий венец.

Но красоты души Его прекрасной
Не мог понять бесчувственный народ,
К великим подвигам Монарха безучастный,
Его винящий в дни лишений и невзгод.

Пленяла чернь мятежной воли лава,
Слепая месть и море братских слез,
Ей нужен был жестокий царь Варавва,
А не смиренный Царь и Мученик — Христос.

И зло свершилось — рабскими руками
Святое прошлое повержено во прах,
Русь обросла бесчисленными крестами,
И умер Царь с прощеньем на устах...

Но грянул гром небесного отмщенья,
Рассеялись, как дым, свободы глупой сны,
Настали дни жестокого гоненья,
И воля стала рабством для страны.

«Спаситель»

Нет не белым генералам,
Не эсэровским вождям
И не красным каннибалам
Нас вернуть к счастливым дням.

Только Царь Самодержавный,
Водрузив победный стяг,
Вместе с верой православной
Нам вернет родной очаг.

Только Царь, любовью сильный,
Вырвав родину из бед,
Даст нам мир и труд обильный
Вместе с лаврами побед.

Только Царь, Отец Державный,
Всех собой объединит
И, свершая подвиг славный,
Все забудет, все простит.

ВОЛКОВА МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА

«Дон»

Есть напевы, есть воспоминанья,
Звуки слов, и шорохи и сны,
Что волнуют нас очарованьем,
Скрытого волнения полны.

Далеко моя осталась юность,
Но с тех пор, как колокольный звон,
Некие таинственные струны
Задевали в сердце слово - Дон.

Отчего? Я даже не соседка,
И донской воды я не пила!
Но в крови - чрез кровь забытых предков
Память о минувшем залегла...

Жили три столетья с половиной
Прадеды и деды в том краю,
Где перед исходом на чужбину
Провела я молодость мою.

Север мой... Кто ли позабуду?
Юг забыли родичи мои,
Но пришли - пришли они оттуда,
Из придонской солнечной земли!

Потому, как вечное наследье –
Через даль просторов и времен –
Полновесной колокольной медью
Остается в сердце слово Дон! Сколько лет протекло
С той поры, как ушли мы оттуда!
Сколько всех на пути
Дорогих одиноких могил!

Мы молились тепло,
Мы молились и верили в чудо!
Но покоя найти
Нам до времени Бог не судил!

Не заставит никто
Разлюбить, что нам мило и свято,
Позабыть наш уклад,
Наши песни родные забыть.

И обычай простой -
Всюду крепко стоять брат за брата -
Каждый горд, каждый рад
До конца своих дней сохранить.

ВОРОБЬЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (наст. фам. Богаевский)

«К новому 1966 году»

У преддверья Нового Года богоданного
Спешимся, казаченьки, сделаем привал.
Сумы переметные пересмотрим заново,
Чтоб лишней ношею конь не уставал.

По обыку древнему, по уставу Божьему,
По заветам пращуров станем мы рядить —
С лишнею поклажею в путь идти негоже нам.
Сбросим что ненадобно, с чем постыло жить.

Поглядим-присмотримся — уж не позабыли ли
Завещать детишкам мы дедовский наказ?
Всю ль любовь к Отечеству в их сердца мы вылили?
Всю ль им в души влили боль, что была у нас?

Чванство ж непотребное, неполадки старые,
Колкости никчемные — сбросим по пути,
Чтобы тяжко не было старому чубарому
Нас на смотр ко Господу в дальний путь везти.

Не к лицу казачьему нам хулы да жалобы.
Дрязги да поклепы мы выбросим в огонь
Так, чтоб совесть строгая нас не упрекала бы,
Чтобы нес нас радостно отдохнувший конь.

Заведем служивскую, старую, желанную!
Вспрянем мы на коников, и в остатний раз
Пусть година старая поднесет стремянную,
Пусть надеждой Новая окрыляет нас!

«Российский кадет»

Ему и пятнадцать-то было едва ли,
Хоть он и божился, что да.
Ведь даже ребячьи сердца полыхали
Тогда, в лихолетья года.

Не спрашивай имени — столько ведь лет!
Удержишь ли в памяти это?
Но вечно стоит пред глазами кадет,
И мне не забыть кадета.

Донец ли, орловец — не всё ли равно?
Из Пскова он был иль с Урала...
С поры лихолетья я помню одно —
Кадетская бляха сверкала,

Да по ветру бился в метели башлык,
Как крылья подстреленной птицы.
Был бледен кадета восторженный лик
И снегом пуржило ресницы...

Он двигался словно не чуя беды
И пулям не кланялся низко.
Трещал пулемет и редели ряды,
И красные были уж близко.

И наземь он пал неуклюжею цаплей
И шею он вытянул в небо смешно,
И вытекла Жизнь — просто капля за каплей,
Бурля и искрясь, как в бокале вино.

Не спрашивай имени — имени нет...
Был чей-то сыночек. Российский кадет.

Посвящается Донскому
Императора Александра 111
Кадетскому Корпусу.

Здравствуй, мальчик мой, вихрастый, непокорный!
Долго не видались мы с тобой,
Сотни верст исколесив дорогой торной

По чужой, не русской мостовой.
Помню я тебя совсем еще мальчишкой —
Утреннюю раннюю росу —
Ты шагал тогда в суконной шинелишке
И с пятном чернильным на носу.

Год за годом шел обычной чередой...
Ты мужал, и полный вешних сил,
Легкий пух над оттопыренной губой,
Как гусарский ус ты теребил.

Много было вас тогда в стране далекой,
Малышей с душой богатыря!
Вас в одно звено вязал девиз высокий:
За Россию, веру и царя.
Стены Корпуса, в Хабаровске, в Полтаве,
В Питере ль в Тифлисе ль, на Дону —
Говорили вам о старой русской славе,
И как чтить седую старину.
Как лелеять славных прадедов заветы,
Шелест ветхих боевых знамен,
Имя гордое — российские кадеты
И с сургучным вензелем погон.

А потом тебя встречал, я в ночи черной,
Что страну покрыла пеленой...
Милый мальчик мой, вихрастый, непокорный,
Первым рвался ты в неравный бой.
В небе заревном пылающей Каховки
Вижу твой дрожащий силуэт —
Помню: с папиной «взаправдашной» винтовкой
Ты шагал, тогда в тринадцать лет.
И желая как-то скрыть фальцет высокий,
Ты нарочно басом говорил...
Как боялся ты тогда, что ненароком
С фронта к мамочке отправят в тыл!

В сапожищах ноги детские шагали,
И дорог на них ложилась пыль...
И Ростов и Перекоп тебя видали,
Степи Сальской укрывал ковыль...

О семье своей ты ведал понаслышке,
Или слабо помнил... До того ль?
И все в той же рваной шинелишке,
Ты шагал, тая печаль и боль.

Не твои ли это слышали мы стоны,
Твой недетский, леденящий крик?
Не тебе ль, дружок, кокарду и погоны
Вырезал в Ростове большевик?

Ты, кто Белое святое наше дело
Твердо нес на худеньких плечах,
Чье замерзшее искрюченное тело
Видел я в окопах и во рвах?

И сегодня в этой встрече нашей,
Мне тебя хотелось помянуть
Добрым словом и задравной полной чашей,
Передать, что так теснило грудь.

И сказать тебе, мой мальчик беспокойный!
Сколько не видались мы с тобой,
Сотни верст исколесив дороги торной
По чужой, не русской мостовой!
Правда, помню я тебя совсем мальчишкой,
Да ведь сколько лет-то с той поры!
На тебе, ведь, нет уж черной шинелишки,
Серебром усыпаны вихры.
Лишь глаза твои, как встарь, горят задором,
И коль в эти загляну глаза —
На плечах опять почудятся погоны,
Юные услышу голоса...

Снова в прошлое мне приоткрыты двери,
Мы с тобой опять в краю родном,
И кадетское, как прежде, бьется сердце
Под обычным штатским сюртуком...

«Симфония»

Над океаном — многозвучен
Гремит орган береговой...
В ключе скрипичном — скрип уключин,
В басовом — ветра медный вой.

А там, где Дева, Ковш и Овен —
Растет божественный хорал,
Чьей гаммы ни один Бетховен
До сей поры не разгадал.

Он горсткой соли на рассвете
Осядет на утесов гладь.
Ее с яйцом рыбацьи дети
Съедят и побегут играть.

Но звук не умер в серебристом
Просторе вечной пустоты...
Нет, он в ребячем смехе чистом,
В улыбке, красящей черты.

«Я никогда не умирал...»

Я никогда не умирал...
Скажите, это будет сразу?
В кусочки, вдребезги, как вазу?
Рывком, броском, как в гневе фразу?
Как об пол брошенный бокал?
Я никогда не умирал...

Скажите, это очень больно?
Больнее, чем укол игольный?
Иль медный голос колокольный
Больней для тех, кто провожал?

Да, тем больней, кто шел за гробом,
Кто будет ночи жечь без сна,
Кто будет помнить обо многом,
О том, своем, совсем особом...
А мёртвым - память не нужна...

ЕВСЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Всё одно и то же бездорожье,
Как у дедов, прадедов, отцов.
Разговор о благодати Божьей —
И один конец в конце концов.

Умереть и горько, и обидно.
Жить хочу, хочу, как никогда.
Никого и ничего не видно,
Чёрная шумит, шумит вода.

И глаза я в страхе закрываю.
Силюсь я молитву прочитать.
Господи, я, как всегда, не знаю...
Смерть моя, быть может, благодать.

Иноходец был резвый, горячий.
Пристяжная ещё горячей.
Жизнь казалась одною удачей
Средь осенних бегущих полей.

И поля за полями мелькали,
Будто счастье летело со мной
В голубые зовущие дали,
В белый дом за песчаной рекой.

Был тогда я ещё малолеткой,
Безшабашным сорвиголовой,
И не знал, как огромною клеткой
Встанет мир над казачьей душой.

А душа, словно трепел * влюбленный,
Тот, что бьется в калмыцкой петле,
Перепуганный и возмущённый,
На апрельской цветущей земле.

Не сплю, не сплю и вижу
Во сне, как наяву,
Что я не под Парижем,
А на бахче живу.

И что не май цветущий,
Но август золотой —
Мой месяц самый лучший
На полосе степной.

Лежат горой арбузы
В соломе золотой.
И вдруг приходит Муза
Поговорить со мной.

Она пришла босая,
С пучком травы в руках,
Простая и родная,
С улыбкой на губах.

Наш разговор недолг,
В моих руках трава,
Над нами неба полог,
И слышатся слова,

Мои слова глухие,
Как счастлив жребий мой,
Что Музою Россия
Была во сне со мной.

«На Хопре»

Варили кашу с салом
На берегу крутом.
Закат разливом алым
Простёрся над Хопром.

И звёзды так несмело
Взглянули с высоты,

И утка пролетела
В закат из темноты.

Как светляки, горели
Костры в ночном у стад.
И где-то близко пели
Про белый-белый сад.

Душа была готова
Весь этот мир обнять...
О если бы ей снова
Всё пережить опять!

Кончилась давно моя дорога,
Кончилась во сне и наяву,-
Долго жил у твоего порога,
И еще, наверно, поживу.
Лучшие тебе я отдал годы,
Все тебе доверил, не тая,
Франция, страна моей свободы,
Мачеха веселая моя.

Дом на Барочной, снега, сугробы,
Счастье, молодость, Степной поход...
А февраль снежит, поет...
Над детьми, над полушубком белым,
Над звездой чернильной на плече,
Над высоким, благородным смелым
Над словами в красном кумаче...

В тоскливом бессоньи я вспоминаю
Юность и радость в далекой стране.
Степи и займища кажутся раем,
В них я скакал на веселом коне...

КЕЛИН НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ

«Ах, о чем шумят в полях березы»

Ах, о чём шумят в полях берёзы,
Пошляхам гудят седые ветры,
И роняют молча слёзы,
Над рекой склонившись, вербы?..

От кого тревоги и невзгоды
По Руси бегут потоком быстрым,
И шумят и стонут непогоды
В этом мире, сумрачном и мглистом?..

От чего и солнце так печально,
И румянец зорь не так уж ярок,
И вода в Дону не так кристальна,
И тревожен крик степных казарок?..

Плачет Дон о днях бывалой воли:
Растоптали волю недруги и други,
Но призывно ржут донские кони, —
Знать пора подтягивать подпруги.

Налететь на Дон текучей лавой,
Разметать врагов и басурманов,
Чтоб в земле родной, покрытой славой,
Не осталось вражеских бы станов.

Вот тогда и зори будут ярче,
Над рекой не будут плакать вербы,
И в степях засветит солнце жарче,
По шляхам гудеть не будут ветры...

«Ах, разве Родину из сердца можно вынуть»

Ах, разве Родину из сердца можно вынуть,
Забыть дымок порхающих кадил,
Дьячка на клиросе, гнусящего по чину,
И всплески дальних голубиных крыл,

Далёкий благовест за белою горою,
И на скале забытый монастырь,
Где жизнь текла века по Домострою,
И вокруг полей неезженную ширь?

Недаром я родился в прошлом веке...
Двадцатый мне всё как-то невдомёк.
Бывало, встарь струились мёдом реки,
И Дон бежал спокоен и широк.

Цвела страна, застыв в степных миражах,
Шумели бури где-то вдалеке,
А по полям серебряная пряжа
Неслась, дрожа на лёгком ветерке.

И было сладко, радостно и вольно
Бродить в тиши задумчивых левад...
Зато теперь вдвойне бывает больно,
Что ничего нельзя вернуть назад.

«18-й год»

Забыть ли в белесом рассвете
Мою помертвевшую мать...
И можно ль кому на планете
Об этом без слёз рассказать?..
Казался неправдой и ложью
Над Родиной вздыбленный вал,
И голос, наполненный дрожью,
И смерти холодный оскал.
И дед в пиджачишке убогом,
И конь у родного крыльца,
И дальняя эта дорога
И тень дорогого лица.
Как будто вчера это было —
И спешка, и сборы в поход...
Мы отдали всё, что нам мило,
Тебе, восемнадцатый год.

«Царь убит»

Испить бы из Дона шеломом,
Погладить певучий ковыль —
Болящего волей и домом
Покрыла дорожная пыль...
Иду, спотыкаясь и плача,
По злой и ненужной земле,
Но верю, что будет иначе,
И знаю, что снова в Кремле
Я буду молиться святыням
За нашу российскую статью —
Не хочется мне на чужбине
Без речи родной умирать...

«Коль умру на чужбине далёкой»

Коль умру на чужбине далёкой,
Не увидев родимых полей,
Положите вы мне на могилу
Лишь венок из степных ковылей.

Пусть растёт на забытой могиле
Наш пахучий седой полынок,
А над холмиком крест одинокий
Пусть глядит на далёкий восток.

«Край родной»

Перелески, овраги, проталинки,
Ветряки на буграх у станиц,
Белый иней на каждой завалинке,
Над левадами полчища птиц.

Золотится калина под вёслами...
Лопухи у песчаной косы...
Верховые в пыли с перемётными...
По шляхам иль быки, иль возы...

Телеграфных столбов над дорогами
Паутинится проволока сеть,
Золотеет на солнышке стогами
Жёлтых гумен багряная медь.

«Мама, плачешь?... Плачь, родная»

Мама, плачешь?... Плачь, родная...
Брат убит?... Безусый?... Знаю...

Тихий мальчик синеокий
Где-то там, в степях далёких?...

Твой единый?... Знаю, мама...
Знать, судьба... Россия, мама,

Просит жертв. Нельзя закрыться,
Отвернуть лицо от милой —
Нужно биться... Смело биться
За неё с чужою силой...

Вспомни, мама, — за Россию
Девятнадцать своих вёсен
В разъярённую стихию
Брат в бою с улыбкой бросил!...

Не забудут павших в битвах
В нашу русскую разруху —
Будут в песнях и молитвах
Славу петь стальному духу...

Имена их в душу на́век
Будут врезаны живыми,
Русь их подвиги прославит,
Русь гордиться будет ими...

Плачь от радости, родная;
Плачь от счастья, что наш милый,
Край родной оберегая,
Пал в бою с чужою силой

«Моей России»

О, Русь!.. О, родина моя, любимая до боли!
Тебе ли мало было воли?..
Тебя ль среди сказочных полей
Прельстил заезжий чародей?..

И чём... Хвастливыми ль речами
Иль дерзким замыслом своим?..
Как хорошо было в начале,
Когда не ведала глубин...

Ну а теперь, когда ты залпом
Хлебнула волюшки до дна,

И круто выгнувшись под палкой,
Молчишь, сера и голодна —

Теперь назад бы — воли нету.
Кругом позор и плен могил,
А жить в чаду по трафарету
Нет ни желания, ни сил...

И ты молчишь?.. Так где ж порывы,
Что от Архангельска до Хивы
Красноармейский гнали шквал?
Кровавый ветер разогнал
Твои воздушные мечты...
О Русь, родная, это ты
В твоём безволии и порыве...

«Нахмурилось синее море»

Нахмурилось синее море,
Насупилась страшная высь,
С мятежными бурями споря,
Валы набегают на мыс.

Качают тяжёлые волны
В изгнание бегущую Русь...
На Север, тревогою полный,
Едва ли когда я вернусь.

Вдали ни любви, ни привета —
Навстречу лихая судьба.
Пойдёт по широкому свету,
Как встарь, бедовать голытьба.

Раскинет шатры на задворках
Холодных, чужих городов
И будет упорно и зорко
Следить за врагом из углов.

В смердящих потёмках подвалов
Прольёт свою терпкую грусть
И вспомнит, как скупое и мало
Она берегла свою Русь.

«Опушка леса. Дон широкий»

Опушка леса. Дон широкий.
Знакомый хутор на бугре;
Паром причалил кособокий,
Коса речная в серебре...
Пою коня — вода родная
Меж крепких плещется копыт;
Над Доном кружит чаек стая,

Заря то тухнет, то горит...

На берегу костёр чуть тлеет.
От гумен слышен скрип телег...
Курень под ольхами белеет...
Табун промчался на ночлег...

Родной затон... Куга... Осока...
Заснувший в небе журавец,
И где-то за лесом далёко
Пыль по дороге от овец...

«Пока я жив, я буду мучить память»

Пока я жив, я буду мучить память
Воспоминанием, о дальних хуторах,
Не уроню моё святое знамя,
Не опущу трёхцветный русский флаг.

Всю боль души в стихи мои влагая,
Я ими Родине покинутой молюсь...
Ведь, Боже мой, светлее радуг мая
Во мне живёт святое слово — Русь.

Я за неё согласен унижаться,
Прощать врагов и проклинать друзей.
Не побоюсь в Европе русским зваться
И не продам простор родных полей.

Но память слабая уже теряет силы,
Тускнеет зеркало души моей сильней.
Бегут года, а край Отчизны милой
Несётся в темь, как стая лебедей.

«Русское кладбище в Сен Женеьев де Буа»

О, Сен Женеьев де Буа —
Вы чуждые сердцу слова...
Но тут лежат Атаманы,
Над ними седые туманы
Несутся, как души усопших,
И ищут родимую землю...
Тут тихо... Качаются маки
И спит кипарис сиротливо,
Лишь ветви к земле наклоняя...
Тут плачут лишь ветры над ними —
Далёкой отчизны сынами,
Ведь в сердце всегда они с нами...
Чужая земля приютила
Донцов... Корниловцев... сонмы...

Здесь тесно, к могиле могила,
Но верю, когда нибудь стогна
России великой и сильной,
Их всех приютят и поставят
Над ними огромный, могильный
Большой монумент и прославят
Их подвиги, жизнь, страдания...
Стою одинок... Сердце давит...
Молюсь и шепчу — до свиданья,
Родимые наши герои,
Над вами проносится Слава
И мысли бегут словно лава
По вашей тернистой дороге...
Ваш подвиг потомков заставит
Вас врыть в своё сердце и душу,
Вас Родина-Мать не оставит,
И слёз никогда не осушит.

.....

.....

Тут жертвам Лиенца алтарь,
Перед ним, пилигрим, помолись...
О сердце, за них ты ударь
В набат на весь мир, не ленись!
Здесь Дон погребённый лежит,
Истерзан, изранен, в крови
И должен поставлен ему монолит...
Пусть журавли,
Над ним, пролетая на юг,
Печальную песню споют
О крае мятежей и вьюг,
Где зря их родимые ждут...

.....

.....

Мы верим, мы знаем — так будет,
Вы в сердце, как жгучая лава,
Вас Русь никогда не забудет,
Российская гордость и слава!!!

«Сионе Божий, открой мне двери»

Сионе Божий, открой мне двери
Твоих просторов, твоих высот;
Избавь меня от всех неверий
И боли тяжкой за мой народ.

Послушай, правый, высокий Боже,
Устал искать я верный путь...
Средь тьмы земной, средь бездорожий
Мне так бы надо отдохнуть.

Ведь жизнь, как искра: мелькнёт и гаснет,

А путь далёк и мир велик...
В стране моей лишь кровь да казни,
Да искажённый скорбью лик.

«Сторона ль ты моя, сторона»

Сторона ль ты моя, сторона,
Голубая озёрная вода,
Только ты лишь на свете одна
Могла сердце моё расколоть.

Косы ивы над сонным прудом
Моют в водах зелёную лепь.
Не дано мне степным ветерком
Над моею землею лететь.

Поднимать по утрам облака
И, сгоняя с них мятную лень,
Поиграв с камышами слегка,
Целовать умирающий день.

Над родною рекою шуметь
В потемневшую хмурую синь
И, ворвавшись в душистую степь,
Обнимать там седую полынь.

Белоструйный ковыль волновать,
Шевелить бирюзовую звень,
По просторам родным расплескать
Тополёвую грусть деревень.

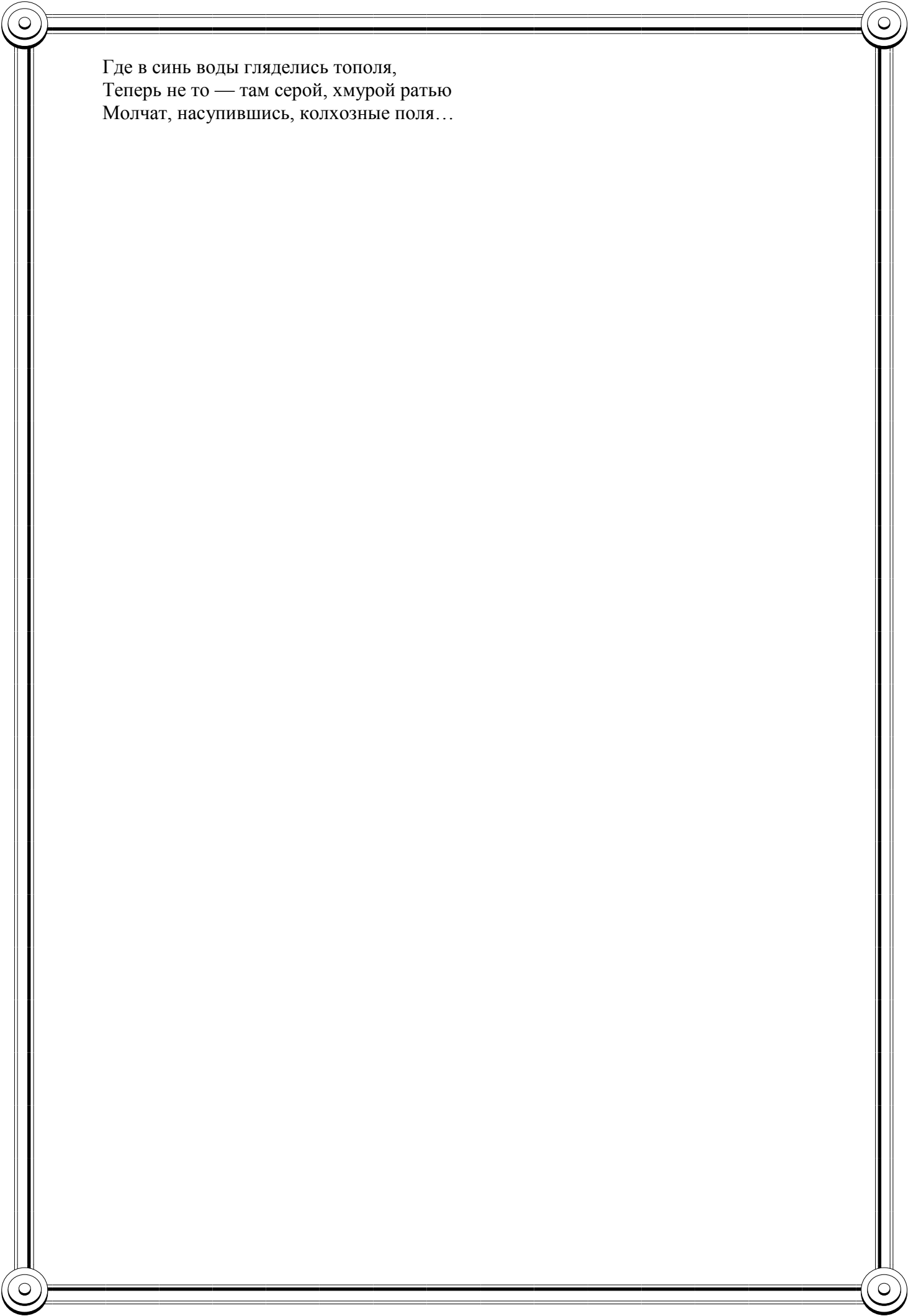
«Я видел, как, оскалив жадно зубы»

Я видел, как, оскалив жадно зубы,
Ворвалась к нам голодная орда,
И их вожак, взлохмаченный и грубый,
Вдруг натянул пред домом поводá.

Влетели в дом, обшарили все щели,
Отца срубили шашкой на ходу,
Потом за хутором орали и шумели
И что-то страшно ухало в саду.

Война! Война!.. И с кем, о, Боже правый!
Века́ отцы рубились у границ...
Лежат в пыли вскопанные травы,
А казаков угнали из станиц...

В краю, где всё дышало благодатью,

Где в синь воды гляделись тополя,
Теперь не то — там серой, хмурой ратью
Молчат, насупившись, колхозные поля...

ПОЛЯКОВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ

«Заколдованный путь»

Что огни – отцвели? отгорели?
Что же степь – умерла или спит?
Ей отходную, радуясь, пели,
Саван русский стелили метели,
Подвывая слова панихид.
Нет, ни плача не нужно, ни боли, –
Сказка, сказка, идем за тобой,
На служенье свободе и воле
Снова выйдем в широкое Поле
И – победу захватим с собой.
Нам московские ветры не новы,
Закалилась в восстаниях грудь.
Не умолкнут родимые зовы,
Разобьем ледяные оковы,
Проторим заколдованный путь.

«Дочке»

Нанесло в окошко снега,
Подоконник в пухе белом,
Мы сидим с тобой, Наташа,
Одиноки в мире целом.

Сколько раз слетали листья,
Сколько раз желтели клены,
Сколько было их, чубатых,
Бивших истоиво поклоны.

Все ушло... Лишь за окошком
Ветра вой да визг метели,
Да не наши, злые хаты,

Да совсем чужие ели.

А в душе призывом вечным,
Неисказанным приветом
И огнем неугасимым
Греет вера ровным светом.

«Молитва на Покров»

Господи! Сегодня к Твоему подножью
Принесу молитвы тихие слова.
Сатана давно бы мог нас уничтожить,
Коли б не святая сила Покрова.

Пред иконой темной на коленях стоя,
Я в ночной звенящей, голубой тиши
Древнего Азова помяну героев,
За покой их грешной помолюсь души.

Спасе Иисусе! Всем, что в битвах пали,
Что с нечистой силой полегли в борьбе,
Отпусти их вины. Утоли печали.
Исцели их раны. Допусти к Себе!

Помяни нас в Небе, Пресвятая Дева,
Перед Богом снова вспомни казаков,
Что в молитвах теплых и степных напевах
Среди дел суетных помнят Твой Покров.

Боже наш великий! В темноте столетий
Нам светила вера в правоту Твою.
И мы твердо знаем – будем мы, как дети,
Под Твоим Покровом у Тебя в раю.

«Дон нетленный»

Дон нетленный, Дон Небесный.
Там, очищены могилой,
Стали наши строем тесным,
Войском грозным, бестелесным,
Ратью Божьей, Божьей силой.
Их сердца под чекменями²
Мерно,
глухо,
ровно бьют.
Смотрят строгими очами,
Пики сильными руками
Крепко сжали.
Молча ждут.

Сотни. Тысячи. Станицы.
Курени. Полки. Отряды.
Грозны их немые лица,
И по венам кровь струится,
И на землю все их взгляды.
Впереди – один. Крылатый.
Стрелы. Лук. Да конь гнедой.
Светят тускло шлем и латы,
Ждет сигнала – час расплаты.
Наголо – палаш кривой.
Перед ним – отряд дозорный,
Кони карие, в пополах,
И закрытый тучей черной
Лик святой, нерукотворный
На казачьих на знаменах.
Тучи,
тучи,
тучи
скрыли
В небе чудное виденье.
Дон Небесный! В Божьей силе
Ты – залогом воскресенья!

«Азовцы»

Степью шли... и трошки приморились,
Обернулись глянуть на Азов:
Там еще развалины дымились
Да вороны над валами вились,
Провожали к Дону казаков.

Долго молча сумрачно глядели,
Замерли и мысли и слова,
Лишь слезинки на глазах блестели,
Пятна крови на бинтах алели...
И тропарь запели Покрова.

А когда их пенье отзвенело,
Атаман поднялся говорить,
Гнет трухменку: "Вот какая дела,
Чтобы вера наша не истлела,
Монастырь нам надо становить.

Всю-то жизнь Богу мы трудились,
И в осаду сели за Него...
А когда мы с нехристями бились,
Мы аль пели, аль Ему молились,
Для себя не чая ничего.

И святую веру соблюдая,
Дон наш древний вышли охранять.

Все отдавши для родного края,
Одного теперича желаем, –
Чтоб с молитвой жизнь завершить".

Круг3 молчал. Поднялся он, Савелий,
Конопатый, в шрамах на груди,
И сказал: "Прожили как умели,
Атаман ты был в кровавом деле,
А теперь – игумном походи!"

– Пр-р-ра-в-вильна-а!
Над балкой расстелился,
Вьется дым бесчисленных костров...
Сам Петро-Угодничек дивился,
Улыбаясь, радостно окстился,
В Небесах прося за казаков.

«В самолете»

Высоко. Совсем под облаками,
Там, где Божья солнечная крепь,
Искрится, покрытая снегами,
Наша Усть-Медведицкая степь.

Вырвавшись из жизненного плена,
Предки наши к Господу пришли,
Здесь она, поземки нашей пена,
Красота, ушедшая с земли.

За отцами, также без возврата,
Я пойду в надзвездной вышине.
На земле, где царство горлохватов,
Здесь давно уж места нету мне.

«Над долинами»

Над долинами пали туманы,
И на сердце они залегли.
Эх вы, страны, далекие страны,
Лучше б вас мы вовек не нашли.
Краше было б от вражеской пули
Смерть принять в отгоравших боях
И уснуть, как герои уснули,
В окровавленных наших степях.
Хороши вы, и доли, и горы,
И чудесны леса и поля...
Ходим мы, прижимаясь к заборам,
И холодным, невидящим взором
Нас встречает чужая земля.

«Мать»

Там лишь небо осталось такое,
Как когда-то у нас в старину,
Да казацкое солнце степное
По утрам серебрится в Дону,
Да весенние ветры целуют
Краснотал⁴, солонцы, камыши,
И тоскуют, тоскуют, тоскуют
Ковыли в полуночной тиши.
А когда перелетные птицы
Закурлыкают снова поход,
Выйдет, выйдет она за станицу
И к глазам полушалок прижмет.
И с горячей и режущей болью,
Вспоминая, заплачет она,
И слезами, как горькою солью,
Окропит сыновей имена.
Сыновья...
Разлетелись по свету,
Растерялись в землях чужих,
Там, где нет ни любви, ни привета,
Там, где нет утешенья для них.
Не ходи, не ходи за станицу,
Поседевшая, старая мать...
То, что нам на чужбине приснится,
Лишь забытые Богом страницы,
И тому никогда не бывать.

«Другу»

Ты, я знаю, заметил – вымирают поэты
И что в мире нет места ни сказкам, ни снам.
В межпланетной дали завывают ракеты,
И в восторге гогочет ликующий хам.

Хам, штурмующий небо, опоганивший дали,
Посягнувший на звезды беспредельных высот.
Мы ж – любили и пели, но поздно узнали,
Что мотор Человека в человеке убьет.

Ты, наверно, заметил – уходят поэты...
Места больше не будет ни сказкам, ни снам.
А людские сердца газOLIном согреты,
И восходит на трон торжествующий хам.

«Западным демократам»

Демократ? Спасибо! Это – очень модно!
Был же Ёська-каин "демократ народный".
Нам же, нет, не к месту, жизнь мы знаем сами,
Были мы и будем просто казаками.
Избежим ловушек, западней и сеток,
Проживем без чуждых ярких этикеток.
Ох, кровавы эти бабушкины сказки,
Ложью вашей подлой сыты по завязку.
С именем Христовым славу мы стяжали,
В поле мертвецами, нет, не торговали,
Палачам сбежавших не везли за плату.
Нет, по вашей мерке мы – не демократы!

«Пред закрытой дверью»

Перед дверью закрытой так много сомнений,
Ведь никто из ушедших не вернулся назад!
Но Он есть безусловно – неведомый Гений,
И Его это звезды на небе горят.
Лишь явившись туда, мы поймем мирозданье,
И откроются наши в восторге глаза,
По-иному оценим земные страдания,
И зачтется нам каждая наша слеза.
В мир иной, мир прекрасный, мир радости вечной
Приведет нас искус одиноких могил,
И казачий напев в высоте бесконечной
Зазвонит равноправно в хорале светил.

«Серб»

Лапти из простой воловьей кожи,
В сумке скудный кукурузный хлеб...
Жизнь свою ты недаром прожил,
Не напрасно гордишься, серб!

Предок твой на Косовом поле,
Натянувши лук боевой,
Завещал своим внукам волю,
Заплатив за нее головой.

И веками в своей Шумадии,
Вызов бросив злу и судьбе,
Бился ты за просторы лесные,
Сотни лет проводя в борьбе.

Под разрывы шрапнели звонкой,
Заглушая изгнания боль,
На быках, в шинелишке тонкой,
Отступал твой старый корольб.

И Албанские горы узнали
И потом передали нам,
Что лишь там, где лучшие пали,
Воля светлая будет, лишь там!

«Дуньте, ветры»

Дуньте, ветры, дуньте! Принесите тучи,
Пусть дожди прольются на седой ковыль,
На кугу⁷ сухую, на пески и кручи,
На шляхи и тропы, на полынь и пыль.
То не капли – слезы. То не ветры – думы,
Что отсюда мчатся друг за дружкой вслед.
То от нас, от сирых, мрачных и угрюмых,
Верящих и ждущих, Донщине привет.
Дуньте, ветры, дуньте! Вихрем пролетите,
Взбудоражьте мысли всех, кто там живет!
В бойне уцелевшим, крадучись, шепните:
"Ваших мук безмерных час последний бьет".
Пронесись же, ветер, разметая тучи,
Разожги надежды, братьев всполоши,
Мы идти готовы на призыв могучий
И храним для боя наши палаши.

«Надежды»

Где казачья доля? Где степная слава?
На Дону родимом никнут ковыли,
На левадах сохнут, увядают травы,
Вербы опустили ветки до земли.
Перелетной птицей взвиться бы за тучи,
Хоть одним бы глазом глянуть на луга,
На волну донскую, меловые кручи
И послушать снова, как шумит куга.
Или ночью душной на копне душистой,
Позабыв о горе, звезды перечесть,
Соловьиной песни трели серебристой,
Плачем захлебнувшись,
не стерпеть, не снести.
И слезы сыновней не стыдяся боле,
Землю дедов наших, как родную мать,
Что врагов терпела в окаянной доле,
В неизмерном счастье трепетно обнять.
Гей вы, казачата, аль зарей не слышно:
"На Дону родимом кони наши ржут"?

Гей вы, казачата, аль не шепчет сердце:
"Степи нас с похода не дождутся – ждут"?
Засинеют дали... Дон блеснет в тумане.
Соберитесь с силой встречу перенести,
Чтоб в последней схватке за родные грани
Постоять за веру, волю, славу, честь.
Гей вы, казачата, али вам не слышно?
Я зарею слышу – кони наши ржут!
Гей вы, казачата, – скакуны донские
Чуют, что с похода казаки придут.

«Ворота в рай»

Нужно сто миллионов веков,
Чтобы, Божий приказ исполняя,
Сотня славных бойцов-казаков
Доскакала до светлого рая.
Так, уйдя от взвихренной земли,
Распростясь с преходящим и тленным,
Наши с Дона походом ушли
И аллюром⁹ идут переменным
К той звезде, что горела для нас,
Озаряя бойницы Азова,
Что зажег с Богородицей Спас,
Дав нам веру в Господнее слово.
Эту веру веками храня,
Бились мы за казацкие грани,
И осветит она для меня
Путь отцов в межпланетном тумане.

СМОЛЕНСКИЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ

«Веселье»

Блевотина войны – октябрьское веселье!
От этого зловонного вина.
Как было омерзительно твое похмелье,
О бедная, о грешная страна!

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянным сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
А даже не убил – засёк кнутом?

Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой.
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой.
Народ, не уважающий святынь!

«Розовый бал»

Закат был оранжево-розов.
Тугие лежали снега.
Холодные чайные розы
во льду отражала река.

Без ветра спокойно молчала
лазурная, стылая высь...
На взмыленной тройке промчала
сверкнувшая звездами жизнь.

И стало бесшумно и глухо,
Как будто весь век проспала
Земля и проснулась — старухой...
А юность ушла в зеркала, —

Как розы, как звезды, как эхо
однажды рассказанных снов...
ваш капор из белого меха,
а жизнь — из таинственных слов.

Сегодня Вы в розовом платье,
и розовый жемчуг на Вас.
Как странно похож на объятия
мечтательный розовый вальс.

Как странно мне вспомнить — был розов
закат и тугие снега.
Холодные чайные розы
во льду отражала река.

Без ветра спокойно молчала
Лазурная, стылая высь...
На взмыленной тройке промчала
сверкнувшая звездами жизнь.

ТУРОВЕРОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

«Знамя»

Мне снилось казачье знамя,
Мне снилось — я стал молодым.
Пылали пожары за нами,
Клубился пепел и дым.

Сгорала последняя крыша,
И ветер веял вольней,
Такой же—с времен Тохтамыша,
А, может быть, даже древней.

И знамя средь черного дыма
Сияло своею парчой,
Единственной, неопалимой,
Нетленной в огне купиной.

Звенела новая слава,
Еще неслыханный звон...
И снилась мне переправа
С конями, вплавь, через Дон.

И воды прощальные Дона
Несли по течению нас,
Над нами на стяге иконы,
Иконы — иконостас;

И горький ветер усобиц,
От гари став горячей,
Лики всех Богородиц
Качал на казачьей парче.

«Мы шли в сухой и пыльной мгле»

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскаленной крымской глине.
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине
И в этот день в Чуфут-кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
Двадцатый год - прощай, Россия!

«Снег»

Ты говоришь: - Смотри на снег,
Когда синей он станет к ночи.
Тяжелый путь за прошлый грех
Одним длинней, другим короче;

Но всех роднят напевы вьюг,
Кто в дальних странствиях обижен.
Зимой острее взор и слух
И Русь роднее нам и ближе.

И я смотрю... Темнеет твердь.
Меня с тобой метель сдружила,
Когда на подвиг и на смерть
Нас увлекал в снега Корнилов.

Те дни прошли. Дней новых бег
Из года в год неинтересней,-
Мы той зиме отдали смех,
Отдали молодость и песни.

Но в час глухой я выйду в ночь,
В родную снежную безбрежность -
Разлуку сможет превозмочь
Лишь познающий безнадежность.

«Жизнь не проста и не легка»

Жизнь не проста и не легка.
За спицею мелькает спица.
Уйти б на юг, и в казака
По-настоящему влюбиться.
Довольно ждать, довольно лгать,
Играть самой с собою в прятки.
Нет, не уйти, а убежать,
Без сожалений и оглядки.
Туда, где весело живут,

Туда, где вольные станицы
И где не вяжут и не ткут
Своих нарядов молодежи;
Где все умеют пить и петь,
Где муж с женой пирует вместе.
Но туго скрученная плетъ
Висит на самом видном месте.
Ах, Дон, Кубань - Тмутаракань!
А я в снегах здесь погибаю.
Вот Лермонтов воспел Тамань. -
А я читаю и мечтаю,
И никуда не убегу...
Твердя стихи о Диком поле.
Что знаю я и что могу,
Живя с рождения в неволе.
И мой недолгий век пройдет
В напрасном ожиданье чуда, -
Московский снег, московский лед
Меня не выпустят отсюда.

«Не выдаст моя кобылица»

Не выдаст моя кобылица.
Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задонье, курится
Седая февральская мгла.
Встает за могилой могила.
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее - Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходную гона,
Тревоги в морозных ночах
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали все, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной - за Россию - поход.

«Как когда-то над сгубленной Сечью»

Как когда-то над сгубленной Сечью
Горевал в своих песнях Тарас, —
Призываю любовь человечью,
Кто теперь погорюет о нас?

Но в разлуке с тобой не прощаюсь,
Мой далекий отеческий дом, —
Перед Господом не постесняюсь
Называться донским казаком.

«Казак»

Ты такой ли, как и прежде, богомольный
В чужедальной басурманской стороне?
Так ли дышишь весело и вольно,
Как дышал когда-то на войне?

Не боишься голода и стужи,
Дружишь с нищетою золотой,
С каждым человеком дружишь,
Оказавшимся поблизости с тобой.

Отдаешь последнюю рубаху,
Крест нательный даришь бедняку,
Не колеблясь, не жалея — смаху,
Как и подобает казаку.

Так ли ты пируешь до рассвета,
И в любви такой же озорной,
Разорительный, разбойный, но при этом
Нераздельный, целомудренно скупой.

«Равных нет мне в жестоком счастье»

Равных нет мне в жестоком счастье:
Я, единственный, званный на пир,
Уцелевший еще участник
Походов, встревоживших мир.

На самой широкой дороге,
Где с морем сливается Дон,
На самом кровавом пороге,
Открытом со всех сторон,

На еще неразрытом кургане,
На древней, как мир, целине, —
Я припомнил все войны и брани,
Отшумевшие в этой стране.

Точно жемчуг в черной оправе,
Будто шелест бурьянов сухих, —
Это память о воинской славе,
О соратниках мертвых моих.

Будто ветер, в ладонях взвесив,

Раскидал по степи семена:
Имена Ты их. Господи, веси —
Я не знаю их имена.

«Было их с урядником тринадцать»

Было их с урядником тринадцать
— Молодых безусых казаков.
Полк ушел. Куда теперь деваться
Средь оледенелых берегов?

Стынут люди, кони тоже стынут,
Веет смертью из морских пучин...
Но шепнул Господь на ухо Сыну:
Что глядишь, Мой Милосердный Сын?

Сын тогда простер над ними ризу,
А под ризой белоснежный мех,
И все гуще, все крупнее к низу
Закружился над разъездом снег.

Ветер стих. Повяло покоем.
И, доверясь голубым снегам,
Весь разъезд добрался конным строем,
Без потери к райским берегам.

Помню горечь солёного ветра,
Перегруженный крён корабля;
Полосою синего фетра
Исчезала в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук.
- Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук;
Напряглась и такую осталась
Тетива наших душ навсегда.
Чёрной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода,
И, прощаясь с Россией навеки,
Я постиг, я запомнил навек
Неподвижность толпы на спардеке,
Эти слёзы у дрогнувших век.

Эти дни не могут повториться -
Юность не вернётся никогда.
И туманнее, и реже снятся
Нам чудесные, жестокие года.
С каждым годом меньше очевидцев
Этих страшных, легендарных дней.
- Наше сердце приучилось биться
И спокойнее, и глуше, и ровней.
Что теперь мы можем и что смеем?
Полюбив спокойную страну,
Незаметно, медленно стареем
В европейском ласковом плену.
И растёт, и ждёт ли наша смена,
Чтобы вновь, в февральскую пургу,
Дети шли в сугробах по колено
Умирать на розовом снегу.
И над одинокими на свете,
С песнями идущими на смерть,
Веял тот же сумасшедший ветер,
И темнела сумрачная твердь.

«Франции»

Жизнь не начинается сначала,
Так не надо зря чего-то ждать;
Ты меня с улыбкой не встречала
И в слезах не будешь провожать.
У тебя свои, родные, дети,
У тебя я тоже не один,
Приютившийся на годы эти,
Чей-то чужеродный сын.
Кончилась давно моя дорога,
Кончилась во сне и наяву, -
Долго жил у твоего порога,
И ещё, наверно, поживу.
Лучшие тебе я отдал годы,
Всё тебе доверил, не тая, -
Франция, страна моей свободы -
Мачеха весёлая моя.

«Перекоп»

Сильней в стремёнах стыли ноги,
И мёрзла с поводом рука.
Всю ночь шли рысью без дороги
С душой травимого волка.
Искрился лёд отсветом блеска
Коротких вспышек батарей,
И от Днепра до Геническа
Стояло зарево огней.
Кто завтра жребий смертный вынет,
Чей будет труп в снегу лежать?
Молись, молись о дальнем сыне
Перед святой иконой, мать!

Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль;
Но твёрдым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша.
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шёл в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак.

Забывать ли, как на снегу сбитом
В последний раз рубил казак,
Как под размашистым копытом
Звенел промёрзлый солончак,
И как минутная победа
Швырнула нас через окоп,
И храп коней, и крик соседа,
И кровью залетый сугроб.
Но нас ли помнила Европа.
И кто в нас верил, кто нас знал,
Когда над валом Перекопа
Орды вставал девятый вал.

О милом крае, о родимом
Звенела песня казака,
И гнал, и рвал над белым Крымом

Морозный ветер облака.
Спеши, мой конь, долиной Качи,
Свершай последний переход.
Нет, не один из нас заплачет,
Грузясь на ждущий пароход,
Когда с прощальным поцелуем
Освободим ремни подруг,
И, злым предчувствием волнуем,
Заржёт печально верный друг.

«Товарищ»

Перегорит костёр и перетлеет,
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет
О страшных днях бессмысленного зла.
Нет, не мученьями, страданиями и кровью -
Утратою горчайшей из утрат:
Мы расплатились братскою любовью
С тобой, мой незнакомый брат.
С тобой, мой враг, под кличкою «товарищ»,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожаров,
Да и тебя Господь не там ли спас?
Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за отчизну умереть?